ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 5 1986

ДАШКЕВИЧ Я. Р.

CODEX CUMANICUS — ВОПРОСЫ ДЕКОДИРОВАНИЯ

Научное открытие CC [1] как лингвистического источника исключительной важности состоялось в 1828 г. [1]. В последующие десятилетия на успешное изучение памятника возлагалось много надежд: в первую очередь привлекала латинская, а не лишенная вокализации арабская графика, во вторую — обстоятельство, что налицо был явно памятник не книжного литературного, а разговорного языка. Исследователи ставили перед собой также другие лингвистические задачи; большинство из них постепенно отошло на второй план, а вопросы, связанные с графикой и интерпретацией разговорного языка, до сих пор остаются в центре внимания. По мере углубления анализа различных языковых уровней памятника, главным образом фонетики и лексики, выяснилось, что латинская графика, несомненно, имеет преимущества перед арабской, но и она нуждается в тщательном декодировании графическими средствами современной фонетики. Нелегко давалось определение места, занимаемого ИК и ТК в классификационной схеме языков, установление этнолингвистических и генетических связей восточных языков CC. Возникали все новые и новые вопросы, удовлетворительное решение которых зависело прежде всего от правильности с лингвистической точки зрения прочтения тюркских и иранских текстов CC. И тогда со всей остротой встала сложная проблема объективности критериев контроля — проблема лингвистической достоверности текстов CC, как в их первоначальном (в рукописи Библиотеки св. Марка в Венеции), так и в декодированном (в печатных изданиях) видах.

В свете изложенной нами истории возникновения CC, до сих пор полной неясностей [2], задача предстоит не из легких. Оказывается, заставить «говорить» даже транскрибированный латинской графикой памятник тюркского и иранского разговорных языков не просто. Существует немало критических и скептических высказываний как в отношении самого памятника (что, в общем, несколько странно), так и в отношении его печатных изданий (что более оправдано). Основной их смысл сводится к тому, что система передачи звуков тюркской и иранской речи несовершенна, в связи с чем многие авторы предлагают заменить ее другой, по их мнению, более точной.

Критерии лингвистической достоверности CC (рукописи, а не изданий) можно распределить на две группы — экстралингвистические и лингвистические.

Главным критерием высокой достоверности текста CC I (и, в значительной мере, CC II) является то, что он неоднократно проходил проверку в межъязыковом общении. CC I — разговорник, составленный исключительно для утилитарных целей. Он являлся практическим пособием в переводческой деятельности, распространялся и переписывался неоднократно. CC I выдерживал проверку временем — в него вносили дополнения, изменения, усовершенствования. Напрашивается единственный вывод — текст CC I не был плохим, он соответствовал поставленным перед

[1] Приняты сокращения: CC — Codex Cumanicus, CC I — первая («итальянская») часть CC, CC II — вторая («немецкая») часть, ТК — тюркская колонка CC I, ИК — иранская колонка CC I. Не предрешая вопроса этнолингвистической атрибуции ТК и ИК (нуждающейся в детальном анализе — что будет сделано нами позже), мы употребляем термины «тюркский язык» и «иранский язык» в смысле их принадлежности к языковым семьям.

ним целям. Другими словами, зафиксированное в CC I, в основном при помощи специально выработанной транскрипции, произношение слов тюркской и иранской речи должно было соответствовать реальному, иначе само существование подобного пособия сделалось бы невозможным.

Для передачи звуков непривычной речи были выработаны, по крайней мере, две системы транскрипции — одна для CC I, другая для CC II. Не все, пользовавшиеся CC, знали и понимали различия между этими системами. Они вносили свои записи и дополнения, не придерживаясь каких-либо строгих правил. Для верного декодирования необходимо точное распределение текстов CC на виды в зависимости от используемых средств транскрипции. Такой анализ не проводился, хотя эта задача, по-видимому, разрешима, если учесть особенности стиля дополнений и почерка их «авторов». Отклонения от определенной системы записи звуков вызывают многочисленные замечания об искажениях звучащей речи, допущенных автором и переписчиком CC. В ряде случаев подобного рода критические замечания выдвигаются для обоснования собственной субъективной реставрации изначального звучания слов. Поток этих замечаний и претензий необходимо несколько умерить, в противном случае придется откровенно признать, что CC (особенно CC I) никогда не мог являться действенным пособием, облегчавшим общение с носителями двух восточных языков. Все далеко идущие «реставрации» «истинного» звучания речи автоматически ставят под сомнение лингвистическую достоверность CC. Не все варианты «реставрации», предлагаемые как единственно правильные (см. ниже), являются действительно объективно обоснованными. Транскрипционные системы CC нуждаются в реабилитации — и в очень деликатном обращении. По-видимому, следует помнить глубокое замечание К. Залемана: «Вообще, в транскрипции Кодекса, столь прекрасно подходящей к тюркскому, я вижу чрезвычайно важное научное достижение, так как изобретатель или изобретатели опередили свое время на несколько столетий. Изучение истоков этой транскрипционной системы может явиться благодатной задачей средневековой палеографии» [3, с. 950]. Ни палеографы, ни лингвисты с этой, поставленной 70 лет назад задачей пока не справились, и транскрипционная система CC остается до конца не раскрытой.

В адрес информантов и автора выдвигается целый ряд обвинений: итальянцы, будто бы записывали материал CC I у лиц, плохо знавших тюркский язык (В. Дримба) или же поверхностно знакомых с иранским (Д. Монки-заде, А. Бодроглигети) [2, с. 80—81]. что, конечно, не согласуется с целью и ролью CC I в межэтническом общении. Бодроглигети, например, пришел к выводу о том, что информант поверхностно владел иранским, на основании того, что записи ИК иногда не полностью адекватны латинскому слову и представлены в форме, являющейся ответом на вопрос (вроде «что это такое?»), а также на основании того, что морфология памятника проще, чем в классическом новоперсидском. Но ведь вместо того, чтобы пользоваться плохим разговорником, не так трудно было найти в городах Крыма, находившихся под итальянской юрисдикцией, тюрко- или иранофонов, превосходно владевших родным языком. Тем более, что иногда от установления полноценного языкового контакта в «варварской», не всегда дружелюбно настроенной к колонизаторам стране могло зависеть решение вопросов жизни или смерти. Некоторые претензии к составителям CC II оказались упреками не по адресу. В. В. Радлов, например, считал, что лицо, записавшее тюркские загадки, пользовалось записями, составленными кем-то другим, плохо знавшим язык [4, с. 2]. В действительности же, как было установлено позже, этот упрек нужно было адресовать Г. Кууну, плохо издавшему соответствующие тексты.

Много обвинений выдвигается в адрес переписчика (переписчиков), особенно CC I [5, с. 91; 6, с. 206—207; 7, с. 184; 8, с. 32; 9, с. 406; 10, с. 30—31]: непонимание восточных языков, малограмотность, невнимательность. Несомненно, последний упрек в известной степени правомерен, в частности, в плане описок и технических ошибок (например, несовпадение переводов в колонках, так как копиист CC I переписывал разговорник по колонкам, а не по строкам). Но и здесь некоторые ошибки можно

переадресовать издателям (Кууну, также передвигавшему слова в пределах колонок). Сам же переписчик вряд ли был таким уж бездарным и безграмотным, коль скоро он успешно справлялся с копированием слов, произношение которых передавалось при помощи специально выработанной и непростой транскрипции, требовавшей усиленного внимания. Следует прекратить выдвигать обвинения как в адрес копииста, так и в адрес информантов и автора. Грань между обоснованными и необоснованными претензиями может быть поставлена только путем выработки определенной концепции декодирования текстов СС.

Критерии лингвистической достоверности издаваемых текстов СС относятся главным образом к языковой сфере.

Использование текста СС осложняется тем, что практически в распоряжении языковедов — как это ни парадоксально для столь важного памятника — нет хорошего критического издания СС. Первое издание части СС И. Клапротом 1828 г. [1], подготовленное на основании неполноценной копии, снятой с венецианского уникума, нельзя принимать в расчет, не говоря о том, что само оно давно превратилось в библиографическую редкость. Большинство исследователей имеет в своем распоряжении издание Кууна 1880 г. [11], которое страдает рядом серьезных недостатков (непродуманная транскрипция, много неверно прочитанных мест, особенно в СС II). По строгому, но справедливому замечанию К. Грёнбека, издание Кууна «никогда не могло считаться адекватным научному изданию» [12, с. 8]; другие критические высказывания см. в [13, с. 126—128; 14, с. LX; 15, с. 209; 10, с. 17—18]. Еще при жизни Кууна был высказан ряд критических замечаний, на основании которых он частично исправил свой личный экземпляр (хранящийся сейчас в архиве Венгерской Академии наук в Будапеште). Удивительно, почему при повторном (репринтном) издании в 1981 г. [16] этот исправленный авторский экземпляр не был использован. Издание Кууна ввело в заблуждение многих, явилось причиной печальной неудачи В. В. Радлова [4], реставрировавшего «команский» язык на основании недостоверного издания. Истина раскрылась в результате резкой полемики между В. Бангом, с одной стороны, и В. В. Радловым и его сторонниками, с другой (об этой дискуссии см. [17, с. 518—520]), причем Радлов в конце концов признал себя побежденным, хотя и не сделал этого публично [18, с. 393]. Банг опубликовал ряд фрагментов СС II, которые считаются до сих пор почти безукоризненными, но они рассеяны по различным малодоступным изданиям (неполные перечни [19, с. 49; 8, с. 138]) и никогда не были собраны вместе [2]. В 1920 г. П. Пельо выдвинул идею факсимильного издания СС [13, с. 127]. Оно было осуществлено К. Грёнбеком в 1936 г. [12], но пользоваться им очень сложно из-за низкого уровня репродукций. Издание требует от тюркологов и иранистов хорошего знания средневековой латинской палеографии. В публикациях В. Банга и Я. Гжегожевского (например [20—22, 5]) имеются репродукции отдельных страниц СС, выполненные на более высоком техническом уровне, чем издание Грёнбека. Они свидетельствуют еще об одном печальном факте — постепенном, но неуклонном затухании, т. е. ухудшении качества оригинального текста СС... Словари, составленные на основании СС — тюркский Грёнбека [23] и иранские Монки-заде и Бодроглигети ([27; 7]; ср. также [25, с. 391—396]),— созданы на высоком научном уровне, но они не могут заменить полного научного издания СС. Недаром поднят вопрос о новом издании СС — проект этого издания, очень высококачественный, был обнародован Дримбой еще в 1970 г. [15], но само издание задерживается, по-видимому, также в связи с максималистской трудновыполнимой лексикологической программой, которую поставил перед собой издатель.

Этот краткий обзор предпринят нами с целью показать сложность существующего положения, при котором: а) пользоваться оригиналом имели возможность только единичные исследователи, да и они делали это не

[2] Стоит обратить внимание на авторизованный сборник оттисков работ Банга, хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Указанием на сборник автор этих строк обязан любезности И. Г. Добродомова.

совсем успешно (Куун); б) практически доступно либо недостоверное издание Кууна, либо (в лучшем случае) факсимильное издание Грёнбека, или другие частные публикации факсимиле (Банг, Гжегожевский) или текстов (Банг, Дримба), осуществленные с необходимой научной тщательностью; в) в качестве вспомогательных материалов могут использоваться словари К. Грёнбека, Д. Монки-заде, Д. Бодроглигети. Но и два последних пути открыты далеко не для всех исследователей, не говоря о том, что каждое из изданий предлагает свою так называемую «нормализированную» («стандартизированную», «реставрированную», «реконструированную») транскрипцию текста. Большинство же исследователей, для которых СС не является главным объектом изучения, но использующих его в историко-лингвистических, лексикологических и других штудиях, выбирает наиболее подходящий для своей концепции «нормализированный» вариант. При таком положении большая часть ссылок на СС в языковедческих работах вызывает определенное недоверие, так как неизвестно, каким путем в своих рассуждениях шел автор, избирая тот или другой «нормализированный» вариант цитирования СС. Из-за отсутствия канонического издания текста СС углубленные, особенно лексикологические, исследования связаны с преодолением значительных трудностей: сначала необходимо выработать систему правильного (с палеографической точки зрения) прочтения текста, потом учесть различные варианты его «нормализированного» декодирования, установить в соответствии с различными критериями (главным образом, сравнительно-лексикологическими) «правильный» декодированный вариант — и только после этого вступительного этапа (часто называемого критикой текста) начинается настоящее лексико-этимологическое исследование. Лучший пример подобного сизифова труда — лексикологические экскурсы Дримбы [26—28].

Лингвистическая достоверность издаваемых текстов СС представляет собой отдельную проблему, отличную от проблемы лингвистической достоверности самого СС. Авторы, пользовавшиеся материалом СС из первых рук, предлагая свою фонетическую реконструкцию текста, обычно в пространных введениях обосновывают свою систему чтения [23, с. 11 — 21]. Другие авторы только в общих чертах оговаривают, что обосновывают свое прочтение, например, тюркского текста, опираясь на реконструкцию звуков «команского» языка и на фонетические законы тюркских языков [4, с. 1]. Третьи указывают, что они только «умеренно нормализируют орфографию оригинала» [19, с. 46]. У нас нет возможности приводить многочисленные принципы лингвистической транскрипции (= декодирования) восточноязычных текстов СС — и еще более длинные перечни исключений из этих принципов, но не подлежит сомнению, что во всех случаях на первый план выдвигаются две цели: а) реконструкция согласно фонетическим законам языков, а также путем сравнения с лексикой различных тюркских и иранских языков и их диалектов, б) устранение ошибок недостоверных информантов, низкоквалифицированных автора и переписчиков. Характерно, что реконструированное чтение, как правило, считается всего лишь «нормализированным», «стандартизированным» и не отмечается звездочкой, хотя это как будто общее лингвистическое правило при реконструкциях. Как подобная процедура выглядит на практике, можно проиллюстрировать на десятке в основном кратких (т. е. не допускающих многочисленных комбинаций) слов ИК:

СС		Монки-заде [24]	Бодроглигети [7]	Лигети [10]
sped	«белый»	*sipēd* (*isped*, *sifēd*)	*spēd*	*spēd*
megh	«гвоздь»	*mēx*	*miḫ*, *mēḫ*	*mēx*, *miх*
drogaan	«лгун»	*durōγzan*	*drōḡīn*	*drōgīn*
bin mar	«больной»	*bēmar*	*bīmīr*	*bīmīr*
miua	«фрукт»	*mēva*	*miwa*	*miwa*
nizech	«моча»	*mēza* (*k*)	*mizäk*	*mīzık*
gouis	«ухо»	*gōš*	*gīš*	*gaš*
chouistan	«гора»	*kōhistɪn*	*kīhistan*	*kīistīn*
lux	«косой»	*lōč* (*lōš*)	*lūž*	*luč*
pust	«спина»	*pušt*	*pūst*	*pūst*
ambrut	«груша»	amrōd, amrō(t), *armōt*...	*amrūt*	*amhrat*
belch	«лист»	*barg* (*balg*)	*bälg*	*belk*

Количество возможных «нормализированных» прочтений многослоговых слов соответственно увеличивается. Альтернативные варианты предлагаются не часто. Изучение подобной процедуры приводит к мысли о том, что латинографичный, транскрибированный по определенной системе XIV в. текст не имеет особых преимуществ перед арабографичным текстом, в котором количество возможных вариантов декодирования будет немногим больше. Подобные приемы сводят на нет лингвистическую достоверность рукописного текста СС — и его печатных изданий, а в ряде случаев приводят к ложным заключениям (см. примеры [10, с. 18; 20—24)].

Не подлежит сомнению, что исходным пунктом всех лингвистических рассуждений, связанных с СС, может быть только переданный палеографически точно («канонический») текст СС, который нужно считать закодированной записью оригинальной тюркской или иранской речи (в данном случае мы отвлекаемся от возможных ошибок в восприятии речи или же при переписке закодированной записи). Для того, чтобы восстановить оригинальное звучание речи, теоретически предстоит проделать следующий путь: А оригинальная речь → Б транскрипция СС → В транслитерация издания → Г транскрипция издания → Д оригинальная речь.

Эта на первый взгляд не очень сложная схема декодирования, которая должна быть положена в основу научного археографического издания СС, на практике крайне осложнена целым рядом специфических моментов, без удовлетворительного решения которых нельзя быть уверенным, что Д = А.

Переход от Б до Д должен включать следующие этапы: а) палеографически правильное прочтение текста, осложняющееся затуханием текста, наличием помарок и исправлений, б) транслитерация текста средствами современной научной графики, в) графологическая экспертиза почерков, определение количества почерков и распределение по ним текста, г) определение систем транскрипции СС, деление текста по системам, а также выделение текстов, записанных без системы, д) определение этнической принадлежности писарей, е) изучение фонетико-орфографической системы итальянского (лигурийского диалекта), немецкого (средневерхненемецкого диалекта) и, возможно, других языков XIV в., ж) предварительная транскрипция текста, з) сравнение с другими тюркскими и иранскими текстами XIV в., особенно обладающими вкраплениями или фрагментами текстов на разговорном языке, и) сравнение с текстами последующих столетий, в отношении которых можно предполагать, что они находятся в генетической связи с СС, к) сравнение с генетически близкими языками по материалам XIX—XX вв., л) учет явлений интерференции с другими языками крымского ареала, м) учет ошибок различного происхождения, имеющихся в СС, н) окончательная транскрипция современного научного издания СС.

Нужно сказать, что издатели и исследователи текста СС учитывали большинство из перечисленных моментов, однако некоторые из них постоянно оставались в тени. Иногда объективная научная методика приносилась в жертву так называемому языковому чутью. К таким теневым сторонам проводившегося до сих пор декодирования можно отнести недооценку этапов в — е, з, м, л. Мы обращаем внимание на все эти обстоятельства не для того, чтобы еще больше осложнить и без того непростую проблему затянувшегося переиздания СС, а для того, чтоб обрисовать весь комплекс задач, которые постепенно необходимо решать на материале СС.

До настоящего времени нет четкого деления текста СС (особенно СС II) по почеркам. Мы уже обращали внимание на то, что количество почерков СС II (14 или даже 16, по различным подсчетам [2, с. 73]) кажется завышенным. Корреляция между почерками и системами транскрипции СС II отсутствует. Несколько лучше дело обстоит с СС I, переписанным одним почерком, что, однако, не исключает определенной стратиграфии текста до того, как он (предположительно в 1330 г.) был подвергнут переписыванию. Разновременные наслоения текста СС I прослеживаются

в некоторых местах отчетливо (например, в вокабулярии, составленном по алфавиту) — неясным остается вопрос, придерживались ли лица, вносившие записи в рукопись, существовавшую до 1330 г., первоначально установленной транскрипционной системы. Деление текста СС по системам транскрипции (применяемой орфографии) и вычленение текстов, в которых система отсутствует, не проводились. Мало учитывалось (хотя давно известно, что системы орфографии СС I и СС II различны и в них имеются другие вкрапления) и то обстоятельство, что для фонетически далеких тюркского и иранского языков в СС I применялась сходная транскрипционная система.

Весь комплекс этнолингвистических аспектов, связанных как с восточными, так и с западными языками, не привлекал особого внимания исследователей. К ним, в частности, относятся: невнимательное отношение к национальным особенностям палеографии (что привело к столь поздней расшифровке даты 1330 г.), поверхностное знакомство с фонетико-орфографической системой языков, носителями которых были сделаны записи в СС. Хотя, на первый взгляд, не подлежит сомнению факт, что путь к раскрытию оригинальной речи Д должен идти через романистику и германистику, путь этот не был проделан издателями СС. Как кажется, привлечение для сравнения относящихся к XIV в. итальянских, особенно генуэзских актовых текстов из Северного Причерноморья (обзор см. в [29, с. 222—225]; кроме этого [30]), а также территориально ближайших немецких текстов из Львова [31] может помочь обосновать более последовательную трактовку примененной в СС транскрипции. Настоятельной необходимостью является определение (по палеографическим данным?) этнической принадлежности лиц, делавших латинские записи в СС II; аморфное определение языка этих записей как «церковной латыни» XIV в. помогает мало.

Совершенно правильное утверждение А. фон Габен, согласно которому сравнение тюркского языка СС с современными западнотюркскими языками раскрывает больше сходств, чем сравнение с памятниками синхронной письменности [19, с. 47, 48], не нужно толковать превратно, ограничивая компаративистские экскурсы только современными языками. А. фон Габен безусловно права, если иметь в виду сравнение с памятниками тюркской художественной или научной литературы XIV—XV вв., создаваемыми в послемонгольских улусах Евразии на базе чрезвычайно пестрого по своему составу смешанного языка (что, кроме всего прочего, вызывает, как известно, огромные классификационные трудности в отношении языка этих произведений). Мало, по-видимому, может дать также сравнение с актовым языком конца XIV—XV вв.— применение даже такого, далеко не безупречного метода, как статистический, вскрывает смешанность языка ярлыков, дипломатической переписки. Однако есть область, в которой сравнение с более или менее синхронными письменными памятниками может оказаться плодотворным — сочинения практической лингвистики мамелюкского круга. Языковые пособия для изучения тюркского языка Египта отразили генетически очень сложный этнолингвистический состав господствующей мамелюкской верхушки, среди которой значительное место занимали также невольные выходцы из Причерноморского региона [32, с. 285—295; 33, с. 5—48; 34, с. 74—81]. Арабская графика, порой дезориентирующие «этнические» ремарки в словарях арабских филологов осложняют использование этого контрольного источника — но оно кажется очень перспективным.

Вопрос о последующем (после XIV в.) развитии языков СС представляется туманным. По мнению В. В. Радлова [35, с. 547—548; 32, с. 6], тюркский язык СС исчез примерно в конце XV—XVI вв., когда был замещен крымским диалектом османско-турецкого языка. Учитывая почти полную неизученность памятников крымскотатарского языка XV (XVI?)—XVII вв. недипломатического характера, это мнение невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Вопрос о сравнении тюркского материала СС с крымскотатарскими памятниками последующих столетий является актуальной задачей. По нашим исследованиям, носители иран-

ского языка СС I в Причерноморье окончательно исчезли в середине XV в.[3]; следы этого языка можно отыскать в языковых реликтах крымских готов (записи середины XVI в.). Территориально близкие синхронные памятники иранского языка неизвестны. Выдвижение концепции, согласно которой единственно правильный путь декодирования СС лежит через сравнение с современными тюркскими и новоиранскими языками, методически необоснованно.

Мы уже имели возможность подчеркнуть то обстоятельство, что исследователи СС игнорируют явления языковой интерференции [2, с. 81—92], безусловно и совершенно объективно наблюдаемой на материале СС. Кодекс возник на территории и в среде, для которых столетиями характерным было этнолингвистическое смешение. Многие претензии исследователей по поводу плохих информантов, со слов которых записывался язык СС, вызваны нежеланием учитывать интенсивную интерференцию в крымских полиэтнических городах XIV в. «Перенос» ряда иранских слов из ИК в ТК — это не результат невежества информантов или нерадивости автора, а свидетельство органического вхождения иранизмов в тюркский речевой поток. Подчинение иранского материала тюркским фонетическим законам (в частности, явление зетатизма) — это не искажение персидской речи тюрком, плохо говорившим по-ирански, а отражение явлений фонетической интерференции, которой подвергались иранофоны, проживавшие в тюркоязычном окружении. Горький опыт некоторых исследователей, ставивших своей целью «очистить» язык СС во имя идеальной, соответствующей языковым законам модели чистого «команского» или «персидского» языков —В. В. Радлова [4] и, в значительной мере, Монки-заде [24[— должен настораживать и служить предупреждением. Субъективно проводимое очищение материала СС от предполагаемых ошибок переписчиков-иностранцев, тенденция к очищению ТК от иранской, а ИК от тюркской лексики и т.п. приводят к уничтожению оригинального звучания речи, специфической для южнокрымского ареала. Применение любой пуристической методики ведет не к реставрации, а к деформации языка, в результате которой декодированная оригинальная речь Д никогда не будет адекватна искомой закодированной в СС речи А.

Анализ проводимых до сих пор приемов декодирования СС приводит к выводу о необоснованном преуменьшении роли СС как достоверного лингвистического источника при явном преувеличении имеющихся в нем ошибок и неточностей, происходящих будто бы от плохой языковой осведомленности информантов и авторов. Подобная тенденция открывает путь субъективной интерпретации лингвистического материала, декодируемого часто без учета особенностей первоначальной транскрипции, с гиперболизацией значения сравнений с материалом XIX—XX вв., умалением роли сравнений с синхронным лингвистическим материалом и игнорированием явлений языковой интерференции в крымском ареале XIV в. Отсутствие канонического издания текста СС, противоречивые результаты его декодирования вынуждают относиться с осторожностью к результатам тех исследований, авторы которых не объясняют методику обработки материала СС.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Klaproth J.* Vocabulaire latin, persan et coman de la bibliothèque de F. Petrarcha.— In: Memoires relatifs à l'Asie. T. 3. Paris, 1828.
2. *Дашкевич Я. Р.* Codex Cumanicus — вопросы возникновения.— ВЯ, 1985, № 4.
3. *Saleman C.* Zur Kritik des Codex Cumanicus.— Изв. имп. Акад. наук, 1910, 6 сер., № 12.
4. *Radloff W.* Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus.— Mémoires de l'Académie imp. des Sciences de St.-Pétersbourg, 1887, 7e sér., t. 35, № 6.
5. *Grzegorzewski J.* Dzetatyzm perski «Kodeksu kumańskiego».— RO, 1914—1915, t. 1, cz. 1.
6. *Расовский Д. А.* К вопросу о происхождении Codex Cumanicus. — Сборник статей по археологии и византиноведению. Т. 3. Прага, 1929.

[3] Вопросу этнической атрибуции языка ИК будет посвящена отдельная статья.

7. *Bodrogligeti A.* The Persian Vocabulary of the Codex Cumanicus. Budapest, 1971.
8. *Drüll D.* Der Codex Cumanicus. Entstehung und Bedeutung. Stuttgart, 1980.
9. *Drimba V.* Sur la datation de la première partie du Codex Cumanicus.— Oriens. 1981, v. 27—28.
10. *Ligeti L.* Prolegomena to the Codex Cumanicus.— Acta Orientalia Hung., 1981. t. 35, fasc. 1.
11. *Kuun G.* Codex Cumanicus Bibliothecae ad Templum Divi Marci Venetiarum. Budapestini, 1880.
12. *Grønbech K.* Codex Cumanicus. Cod. Marc. Lat. DXLIX. In Faksimile herausgegeben. Kopenhagen, 1936.
13. *Pelliot P.* À propos des Comans.— JA, 1920, 11e sér., t. 15, № 2.
14. *Kowalski T.* Karaimische Texte im Dialekt von Troki. Kraków, 1929.
15. *Drimba V.* Problèmes d'une nouvelle édition du Codex Cumanicus.— Revue de Roumaine de linguistique, 1970, t. 15, № 3.
16. *Kuun G.* Codex Cumanicus. With the Prolegomena to the Codex Comanicus by Ligeti L. Budapest, 1981.
17. *Кримський А. Ю.* Тюрки, їх мови та літератури.— В кн.: *Кримський А. Ю.* Твори. Т. 4. Київ, 1974.
18. *Бартольд В. В.* Новый труд о половцах.— В кн.: *Бартольд В. В.* Соч. Т. 5. М., 1968.
19. *Gabain A. von.* Die Sprache des Codex Cumanicus.— In: Philologiae Turcicae fundamenta. T. 1. Aquis Mattiacis, 1959.
20. *Bang W.* Über einen komanischen Kommunionshymnus.— Bulletin de l'Académie royale de Belgique. Classe des lettres, 1910, № 5.
21. *Bang W.* Die komanische Bearbeitung des Hymnus'a solis ortus cardine'. — In: Festschrift V. Thomsen. Leipzig, 1912.
22. *Bang W.* Komanische Texte.— Bulletin de l'Académie royale de Belgique. Classe des lettres, 1911, № 9—10.
23. *Grønbech K.* Komanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen, 1942.
24. *Monchi Zadeh D.* Das Persische im Codex Cumanicus. Uppsala, 1969.
25. *Monchi Zadeh D.*— Oriens, 1976, v. 25—26.— Rec.: *Bodrogligeti A.* The Persian Vocabulary of the Codex Cumanicus. Budapest, 1971.
26. *Drimba V.* Miscellanea Cumanica I, II.— Revue Roumaine de linguistique, 1970. t. 15, № 5.
27. *Drimba V.* Quelques leçons et étymologies comanes.— Revue Roumaine de linguistique, 1966, № 5.
28. *Drimba V.* Miscellanea Cumanica. XI.— Revue Roumaine de linguistique, 1979, t. 24, № 4.
29. *Verlinden Ch.* Le commerce en Mer Noire des débuts de l'époque byzantine au lendemain de la conquête de l'Égypte par les Ottomans (1517).— В кн.: XIII Международный конгресс исторических наук. 1980. Доклады конгресса. Т. 1. Ч. 4. М., 1973.
30. *Balbi G., Raiteri S.* Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e Licostomo nel secolo XIV. Genova, 1973.
31. Pamiętniki dziejowe Lwowa z archiwum miasta. Wyd. Czołowski A., Jaworski F. T. 1—4 (1382—1448). Lwów, 1892—1921.
32. *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223—1502. 2. erw. Aufl. Wiesbaden, 1965.
33. *Наджип Э. Н.* Тюркоязычный памятник XIV в. «Гулистан» Сейфа Сарани его язык. Ч. 1. Алма-Ата, 1975.
34. *Pritsak O.* Das Kiptschakische.— In: Philologiae Turcicae fundamenta. T. 1. Aquis Mattiacis, 1959.
35. *Radloff W.* Vorläufiger Bericht über eine wissenschaftliche Reise in die Krym im Jahre 1886.— Bulletin de l'Académie imp. des Sciences de St.-Pétersbourg, 1887, t. 31, № 4.